

MIKE BLACK

Очерки графомана

18+

Майк Блэк

Очерки графомана

«ЛитРес: Самиздат»

2019

Майк Блэк

Очерки графомана / Майк Блэк — «ЛитРес: Самиздат», 2019

ISBN 978-5-5320-8781-1

Каждый из нас хочет чувствовать себя живым. Иногда человеку для этого нужно что-нибудь делать, верно? Если хотя бы одна строчка смогла здесь коснуться твоей души - значит, все это было не зря. М. Black

ISBN 978-5-5320-8781-1

© Майк Блэк, 2019
© ЛитРес: Самиздат, 2019

Содержание

Гравюра	6
Нет предела	7
Набирать обороты	8
Бэд-трип	9
Держи мою руку	10
Дай создать	11
Мертвым грузом	12
Гроза	13
По небесной хорде	14
Принтер	15
Без меня	16
Пусти	17
Холод ливней	18
Солнечный прах	19
Боимся остыть	20
Черной тушью	21
В неизбежности	22
Метеоритный дождь	23
Медленно сгорай	24
Улыбнись лишь раз	25
Без шансов	26
Расскажи мне своим тихим голосом	28
Легенды не умирают	29
Сор	30
Мы ждали	31
Вне поколений	32
Нам хватит сил	33
Ватерлиния	34
Затуши	35
Уйду за тобой	36
Могилы светлячков	37
Говорят	39
Графоман	40
Рецидив	41
Блендер	42
Сакура	43
В никуда	44
Никто не поможет	45
Скотобойня	46
Широкая область	47
Нечего сказать	48
Познакомь с душой	49
Коридор	50
Забирай	51
Ненавижу	52
Лепрозорий	53

Грустная повесть	54
Окурок	55
Счастливый финал	56
Оставайся	57
Псам не снятся сны	58
Не с вами	59
Хьюстон	60
Неправильно	61
Новокаин	62
Полигон	63
Огрызок солнца	64
Декабрь	65
Напрасно	66
Запирайся	67
Брось	68
Некроз	69
Факты	70
Конец ознакомительного фрагмента.	71

Гравюра

Давай нарисуем все черно-белой гравюрой.
Среди ручек мелькнет единственный карандаш.
Такой странный, цветной и не с пластиковой натурой.
Но я-то знаю, что ты мне его не отдашь.

Он вопьется мне в горло, чтоб я захлебнулся цветом.
Улыбнусь, как дурак, пеленой мне закроет глаза.
Радугой прыснет все то, что текло по венам,
И я тепло обниму холодный и мокрый асфальт.

Лучше петли чинить, чем просто ломиться в петли.
Я всю жизнь пытаюсь как-то по нитке собрать.
Первосортная дрянь во второсортном цвете.
Черно-белая грязь на листе, большего мне не отдать.

Знаешь, я снова рисую, рисую двери.
И знаю, что это обман, а не нужный выход.
Но даже сквозь сны, я все еще искренне верю,
Что не сдамся, ведь здесь так и так – все пытка.

Нет предела

Вспомни, пожалуйста, черный песок побережий.
Длань ледяной воды меня приберет к себе.
Омой мои раны, я не хочу быть прежним.
Или все же хочу, но просто не здесь, а где?

Мы упали со скал, так и не раскрыв глаза,
И я в шаге последнем увидел искусство.
Наблюдай как угаснет последний квазар,
Потому что и так почему-то пусто.

Посмотри на закат и принеси хлороформ.
Потому что сознание больше не может уснуть.
Потому что устал в сотый раз выходить на балкон,
Чтоб пытаться увидеть на небе какую-то суть.

Сколько мы сможем держаться, пока не утонем?
Я просто устал, понимаешь, у днища ведь нет предела.
Посмотри мне в глаза, и скажи мне, пожалуйста, кто я.
И что еще я могу в этой жизни сделать.

Набирать обороты

Дай привести свои мысли хотя бы в какой-то порядок.
У меня в голове постоянно ломается все.
У меня на руках остается лишь рвань из тетрадок.
И я так до сих пор все в единую кучу не смел.

Скомканный день, вскрыты его капилляры.
Раздроблены кости его, и смазан его исход.
И я ненавижу его, ненавижу так рьяно,
Как ненавидеть сильнее бы просто не смог.

Отгороди, если можешь, отгороди от шума.
Я им изолирован, нечем мне здесь дышать.
Скорее сойду с ума, но я так до сих пор не придумал,
И еще не нашел лучший способ отсюда сбежать.

Нам не набрать обороты, если все будет гладко.
И нам не набрать обороты вне этих стен.
Нам походу вообще набирать обороты не надо,
Кому-то ведь хочется нас не увидеть ни кем.

Бэд-трип

В зеркало смотри.
Там эмоциональный калека
И рациональный коллектор
Экзистенциального бреда.

Выступи на бис.
Ну не прекрасно ли это?
Только не поперхнись
Мыслями – вредно.

Информационная чума
Двадцать первого века
Тебе на то и дана,
Чтобы ты думал об этом,

Пока ты катишься вниз.
Ты наверху-то и не был.
Так что с вещами на выход,
Ведь здесь нет счастья на выбор,

А лишь бэд-трип и блэклист.

Держи мою руку

Родная, руку держи мне,
Чтобы не смог застрелиться.
Ведь каждый по-своему в чем-то убийца
Или по-своему самоубийца.

Скажи мне так честно,
Как честно мне скажут пули.
Зачем мы все лезем в этот бездонный улей?
Где лишь жалят.

И мне ничего не жалко.
И я ничего не нашел, кроме шума.
Я тебе расскажу,
Но прошу, не оставь меня полчищу
Тварей и гулей.

И сентябрь по новой горит,
Вместе со мной оставляя угли.
И я может живой, и я может убит,
По линейной прямой до безумия.

Прости, не меняю постели.
Потому засыпаю в холодной.
Черной ручкой рисую на стенах,
Но потом на руках, ведь обои не помнят.

Сколько нам нужно таблеток,
Покуда все не обезболит?
Безвозвратно все грезил бредом,
Но он ничего и не стоит.

Просто держи мою руку.
Ведь я утону в этой грязной осени.
Сдохну, шатаясь по кругу,
Захлебнувшись печальной прозою.

Дай создать

Дай мне создать себя заново.
Горло драное, раны рваные.
По ту сторону – за экранами,
Я был вспорот осколками раннего.

Просто верь, и мы все устаканим.
Я прожег потолок своим взглядом.
Это гроб мой, моя камера,
Мысли ломаются больным стадом.

Как кусок замороженной плоти.
Я всего лишь пустой кусок мяса.
Разморозьте, опять заморозьте.
Моя жизнь – криогенная сказка.

К черту пафосность, дай возможности.
Просто скажи мне, что все не зря.
Даже если зря – к черту сложности.
Мне и хватит того, что взойдет заря.

Лишь бы был рассвет. Даже без света.
Даже под всполохи взрыва бомб.
Даже с концом бесконечного неба.
Забери меня в самый счастливый сон.

Забери и оставь. Не пускай за стены.
Они вроде родные, должны помочь.
И они помогут – станут склепом,
Когда твой район пожирает ночь.

Просто дай создать. В темноте и мраке.
На пустой карман. На пустую жизнь.
Возьми мой рукав, пусть он весь запятнан.
Я цеплялся им, когда падал вниз.

Мертвым грузом

Не звони.
Остаюсь здесь лежать мертвым грузом,
С головою укрывшись от внешних бед.
Да, прости, я опять засыпаю грустным
И надеюсь проснуться только уже в обед.

Не кори.
Я просто прожег свое время.
Просто выпей за нас, а я здесь остаюсь лежать.
Я уже исходил достаточно заведений,
Исходил и устал, там незачем больше бывать.

Просто спрячь меня.
От внешних невзгод и мыслей.
Я просто хотел бы остаться с тобой в тишине.
И не хотел бы закончить все самоубийством.
Я просто устал слушать весь этот шум извне.

Бессчетные метры, бессчетные мили и лиги.
Я бесцельно шатался, не зная куда иду.
Загляни себе внутрь, мы звезды в себе убили.
И они не воскреснут, с нами восстав к утру.

Гроза

Грозовые тучи ложатся над брошенным городом,
Меня ночью укутает пепельный свет фонарей.
И капли дождя упадут на неясную голову,
Растекаясь прозрением между бетонных теней.

Поверь мне так чисто, как может поверить ребенок,
И быть может, однажды я тоже поверить смогу.
Что я был здесь живым, живым, среди этих пробок,
И что я не напрасно бесследно здесь просто умру.

Меня дома дождется с утра остывающий чайник,
Но кажется мне, что мы даже вещам не нужны.
Эти толпы людей, в них я видел людей изначально,
Но потом, обернувшись, увидел лишь грустные сны.

Девочка выйдет с цветами на мертвую площадь,
Не продаст ничего, но они так и так завянут.
В переходах подземки я проходил на ощупь,
Переходы подземки ладоней помнить не станут.

Скажи мне, пожалуйста, где мы теряем сердце?
Я все шел по осколкам, пытаюсь его найти.
Мне пришлось дышать, потому что здесь некуда деться,
Но забыл, что мы там, где кончаются все пути.

Знаешь, я не писал в блокнотах.
Потому что все это так сильно мозолит глаза.
И знаешь, меня все же разъел мой город,
На который ночами надвинется сверху гроза.

По небесной хорде

Белые лилии памятью тлеют на снежном насте.
Легион возвратится в родные промерзшие земли.
Между всполохов битв пламя жизни в глазах угаснет,
И нас нежно окутает холодом лютой метели.

Моя кровь окропила бы всю чистоту этих фьордов,
Я сердце отдал бы за то, чтоб принять эту стужу.
И меж полей брани, как по небесной хорде,
Мы долго скитались, устав не слагать оружий.

Не помни, родная, не пой нам печальной саги.
Я что-то пытался увидеть в этих краях,
Но я даже не знаю, где наши тела закопали.
Небо дышит туманом на вересковых полях.

Где-то там потерялась любовь на холодных скалах.
Только сердце остынет где-нибудь точно не там.
И сколько бы саг ты земле о нас ни рассказала,
Все равно здесь колосья отхлещут по нашим щитам.
Под тягостным трупом мечты
Забей, здесь вся наша кровь разлилась акварелью.
Слилась в никуда, став участью сточных канав.
Пищевая цепочка, а мы в ней голодные звенья.
Я сросся со стенами клетки, все растеряв.

Отхаркнута с легких, стекает венозная щелочь.
И с рук все не смоешь, их до конца опустив.
Эхом дождей крик утопших попросит помощь,
И мы потеряем друг друга, в туманы себя отпустив.

Скажи, увидим ли мы за забором бездонное море?
Мое тело распятым лежит на кресте баррикад.
В бесконечной войне, бесконечной войне с собою
Я погибшим остался, в числе этих многих ребят.

Я знал имена их, и знал, что у нас мало шансов.
Когда нет ничего, у себя оставался лишь ты.
Ничего нас не ждет, мы за это хотели драться.
И поднимемся ль снова под тягостным трупом мечты?

Принтер

Зачем ты тенью тянешь руки из прошлого
Скверной этой шутки, я не улыбаюсь нарочно.
Мне холодно и жутко, но я шагаю дорожкой
Кривой до конечной неизвестной маршрутки.

Поставив жизнь на автономный режим,
И абонент уже давно не абонент.
Ты хоть по сотне полок все порядком разложи,
В библиотеке этой моей книги нет.

И никогда и не было.
Все только чтобы просто доиграть.
Ты можешь гвоздем в гроб себе забить победы,
Ведь только свою смерть ты и умеешь создавать.

Так что плевать, мне незачем уже кричать из преисподней.
Ведь я здесь знаю сотню старых добрых лиц,
Как принтер знает сотню старых копий,
Которые в артерию впились.

Без меня

Под вечер разбудит порывистый северный ветер.
Мы дети, что переиграли больными на улице,
Растворившись ночью тенью, и наш свет незаметен.
Наше небо бездонно, тротила хранит килотонны
И бесконечно хмурится.

Оно нас до сих пор не простило.
И грузом Атланта снова нам давит на плечи,
Когда здесь ничего не вечно.
Рассмотри в полусонных глазах,
Все то, что они отразят – было ли это красивым?

Я себя разменял на участь в печальных снах.
Луна – ты небесная стерва.
Я отдам тебе последние силы,
Все то, что я пороком клеймил в листах.
Но тебе все равно, ведь ты ничего не просила.

Ты уронишь мне в душу слова, чтобы я опознал
Этот труп – часть меня. Потому-то они и не живы.
Не жги мне глаза рассветом пустого дня.
Я отдал тебе свое время, безбожно его растранижил.
Утром снова отчалит паром, но опять без меня.

Пусти

Пуškai
За невинной улыбкой будет на хрип изрываться тоска.
Давай
Я ослаблю ошейник, и черти меня разорвут по кускам.

Смотри –
Это чудо, клянусь, бессчетное чудо света.
Прости,
Мы все корм, нас не жалко, и я всегда помнил об этом.

Я знал,
Мы сложим ладони в нашей порочной молитве.
Назад
Не хочу возвращаться, гуляя по лезвию бритвы.

Скажи,
Я так долго бежал, чтоб потом обессиленно пасть?
Во лжи
Все сгорало под нами, даже уже не дымясь.

Прости,
Нас сожрали, себя соберу из того, что осталось.
Пусти
Меня к выходу, может там жизнь потерялась.

Холод ливней

Давай ты мысленно мне выстрелишь в висок,
Ведь я не знал, что жил на самом деле.
И этот лайнер увезет с остатком все,
Что оставалось ценным в моем теле.

Унылая дуга нейронных волн,
Такая тусклая в сравнении с цветом радуг,
Оставит на асфальте мрачный тон,
Такой неяркий. Может, так и надо.

И чудеса в коробках от таблеток
Боготворить в коробках из бетона
Достанется всем нам, и мы об этом
Забуть желая, не пророним слова.

Как от картонки оторву кусок надежды
В этом пропащем, странном, душном мире.
Он обязательно размокнет даже прежде,
Чем с этой осенью вернется холод ливней.

Солнечный прах

Я говорил уже о том, как Солнце умерло.
По его ровной линии пульса ты можешь найти
Все отсылки и хроники, как по аллеям Бунина.
Важно ли это? Не знаю, мы сбились с пути.

Моя память об этом выжжена черными пятнами.
Тот автограф последний ожогом остыл на руках.
Смесь разбитых сердец и детских улыбок натянутых
Нас зимою холодной укутает в солнечный прах.

Дай мне просто забыть и просто стать частью пепла.
Нас кремирует пламя этой чужой войны.
На сожженных листках наши жизни истерлись где-то.
Я закрою глаза, ничего в них не видишь ты.

Реквием звездам сыграй, нас не будут слушать.
Этот вопль порежет мне слух, он не был по мечте.
Я всегда задыхался внутри, но шагнув наружу,
Постепенно додумал, что тоже теперь нигде.

Боимся остыть

Где-то тихая пристань, куда не доплыть,
И меня вновь кидает от шторма к шторму.
По рукам вяжет с берегом скальная нить,
И, прикрыв глаза, разобьюсь о волны.

Льет из рации шелест пустого эфира,
Ты всю жизнь его потреблял запоем.
И внутри вязкой пленкой его глицерина
Оседают в легких тоска прибоя.

Полумесяц луны протыкает звезды,
И приносит их в жертву, как просто символ.
Миллиардам шрамам на небе роздан
Свет холодный, но их так и не воскресили.

Мы точим клыки, чтобы были острее.
Лишь бы видеть глазами, куда дальше плыть,
Так жадно впиваясь в небесную шею.
Потому что мы тоже боимся остыть.

Черной тушью

Сингулярность сжимает виски снова в разных понятиях,
И зрачки расширяются, так что мне близко не видно.
Ты сказала, сам черт бы со мной говорил – унесите распятие.
Это так не работает, ведь мы не в дешевых фильмах.

Между городом грез и между пустых развалин
Воздух душный настолько, что даже имеет привкус.
Мы навечно остались в рассказах, что не рассказали.
И наверно мы с этой же вечностью как-нибудь свыклись.

Девчонка подводит глаза самой черной тушью.
Таким же оттенком замажет мешки под глазами.
Она держит мне руку, и мы оба теряем душу,
Которую столько же раз в этой жизни искали.

На ромашковом поле закат обагрит все кровью.
За его пеленой потерялся тот самый день.
День, в который когда-то уйду, все забрав с собою,
Ничего не поняв в осуждениях этих людей.

Мы назвали безумством, что можно друг другу верить.
И отбросили страх, заливая друг друга бензином.
Мои кости сломались – я бился с разгона об двери,
Для того чтобы верить, что можно не только сгинуть.

И девчонка подводит глаза самой черной тушью.
И таким же оттенком замажет мешки под глазами.
Были ли мы здесь живыми, хотя бы снаружи?
Или не были, но никому не сказали.

В неизбежности

Сознание тонет в картинах, которых и не было.
Закрываю глаза, провожу нежно бритвой под веками.
Диагноз поставит нам жизнь, и мы станем калеками,
Пригвождёнными насмерть всеми оттенками блеклого.

Я гулял бы с тобою по крышам меж парапетами,
Но остался прибит в непонятном незримом уродстве.
В глазах зарыбит черным маркером тьма беспросветная,
И я буду искать в этой дряни со светом все сходства.

Забудь мое имя, присвой мне порядковый номер.
В этом мире ждать свой расстрел чересчур одиноко.
Одна кровь, один цвет, одна жизнь, ты всегда монохромен.
Затми небо ладонью своей, здесь все слишком убого.

Я хотел видеть больше и думать, что жизнь не циклична.
Я хотел не жить прошлым, чтобы не стало привычкой.
Я хотел красоту видеть в самом простом и обычном,
Но здесь пошло, и я остаюсь ко всему безразличным.

Покажи мне здесь выход, меня уже рвет с лабиринта.
Все куда-то ушли, только я до конца здесь остался.
Намекни мне хотя бы еще сколько нужно попыток,
Перед тем, как совсем окончательно сдаться.

Если скотчем заклеить свой рот и больное горло,
В голове все равно остаются и бесятся мысли.
Сколько раз еще нужно использовать образно Мордор,
Чтобы просто узнать, у кого здесь кольцо хранится?

Мы все войны света, но мы здесь подошли в гнили.
Я продолжу сражаться, но мне здесь сражаться не за что.
Мы лишь образно пали, и нас всех живыми забыли.
Это все не ошибка, я знал – мы в неизбежности.

Метеоритный дождь

Поцелуй меня,
Метеоритный дождь.
Я живу концом дня
И начала уже не вернешь.

Посмотри мне вслед,
Когда я уйду на балкон.
В этой жизни нет
Ничего, что мы вспомним потом.

Этот мир пустой.
Поброди, будто ты пустой рыцарь.
Вокруг хлам простой,
Только счастье под ним не пылится.

Посмотри вокруг,
Как еще один сталкер бездны.
До свиданья, друг.
Мы здесь все по пути исчезли.

Медленно сгорай

Перетащи себя с места на место.
Ушел натошак, ушел в неизвестность.
Твой помост дощат, но провалится с треском.
Про погост молчат, даже там уже тесно.

И какого черта? Поднимай на вилы.
Все, чем не добило, все, чем не убило,
Что бы ни любил ты – чтобы не загнило.
Раз хотел веревку – не проси и мыла.

Перевязка ран? Да здесь не стерильно.
Куча мятых драм – куча пластилина.
Мы хотели в рай, но нас не пустило.
Медленно сгорай, чтобы не остынуть.

Улыбнись лишь раз

Плевать.

Я закрою глаза и вновь наступлю на грабли.

Здесь никто не учил летать,

Но я себя натаскал филигранно падать.

Улыбнись лишь раз.

Небу не хватит слез, чтобы нас оплакать.

Я дышу сейчас.

Но свет газовых камер и это готов исправить.

Без шансов

Прости мне, я вырос без шансов.
Без шансов здесь не оказаться.
Дышал среди грязи и гнили,
Пока здесь все бесов кормили,
Пылали костры, я себя хоронил,
И как дьявол над всем потешался.

Либо сдохни ублюдком, пока не добили,
Либо с толпою смешайся.
Либо дальше живи, чтоб никто не узнал,
И с миром подохни мерзавцем.

По нам время пробьет -
Нужно просто молчать.
Нужно просто заткнуться и сдаться.
Ничего мне не даст здесь с листа все начать,
Потому начинаю с абзаца.

В глаза смотрят и жрут по кускам твои чувства
Орды циничных тварей.
Я ребенок тьмы, и я вырос в безумстве,
Попутно все здесь проклиная.

Ни душа, ни кости – ни черта не стоят.
Я в дороге учился ломать – не строить.
И как грубый невзрачный и мрачный стоик
Исчитал до дыр сброд нервозных хроник.

По губам течет с кровью чернь и пена,
Уходящими с закатом лучами света
Перережь мне горло,
Я восславил Мордор,
Став его солдатом, падшим на колено.

Среди сумрака и туч покажи мне небо,
Его рвет кусками и режет тленом.
Нас всех рвет на знамя,
Неприменно.
С нами боль – не Бог. Сами – горсти пепла.

Перевернут путь, перевернут крест,
Перевернута память, среди этих мест
Я искал себя, но здесь нам не светит.
Пишу кровью своей, словно шизофреник.

И нас тянет к свету, но мы дети мрака.

Если на рассвете мне светит плаха,
Я посмотрю в глаза – ты мне вырвешь душу.
Я не знал, как жить, как быть безоружным.

Расскажи мне своим тихим голосом

Расскажи мне своим тихим голосом
О том, что за тучами где-то
Еще вены не вскрылись у солнца,
И оно к нам вернется с рассветом.

Там, где ветры в горах и людей нет,
Где утопят меня холодные воды,
Где я умер в своей голове с юных лет.
Может там мое сердце чего-то стоит.

Расскажи мне своим тихим голосом
О том, чего я никогда не слышал.
Расскажи, по ком льются слезы,
И по ком звонит колокол с крыши.

Легенды не умирают

Есть пара правил.

Первое:

Легенды не умирают.

Второе:

Легенды немного лукавят.

Все наши легенды, как тот теплоход,

Сбитым курсом наткнутся на айсберг.

И мы здесь покорили Луну,

О которой ночами мечтали.

А потом я не смог здесь вздохнуть,

Потому что гуляли по дну.

И все кратеры илом замыло,

Нас потом даже в них не искали.

Единственный свет от окурка

Туши мне об руку, и может,

Тогда я проснусь.

Меня здесь конец света

Даже уже не гложет.

Когда-нибудь я и его дождусь.

Сор

Насыпь в карман мне кучку представлений,
Ненужных фантиков, ненужных образов.
Я их зачем-то сохраню для сожалений,
Чтобы шипами проросли и сгнили розами.

Я опущу ладонь в пустой карман
И буду шарить, снова ранив руку.
Я так давно в нем что-то потерял
И так давно в груди не слышу стука.

Скажи, зачем мы в этой жизни не нужны?
Зачем и для чего мы здесь искали что-то?
Зачем умрем мы в ожидании весны?
Зачем все это? Нужно для кого-то?

И вот опять за мир прольется кровь.
Нам, видно, нужно ненавидеть, чтобы жить.
Зачем я открываю глаза вновь?
Затем, чтобы потом опять закрыть.

Я вытащу с кармана пыльный сор.
Всех моих мыслей грязных глупый мусор.
Нас столько раз здесь похоронит вздор.
Мы столько раз здесь потеряем чувства.

Мы ждали

«Внимание!»
«Вход служебный – Охрана собаками».
Только угольно-черное небо.
Свет от фар отражается знаками.
Свет от фар поглощается в стену.

Иду мимо и не замечаю
Иллюстрацию или проекцию,
Ту, что в мир изнутри выливается
И исток свой берет где-то в сердце.

Где-то там, за решеткой, под ребрами,
Я вгрызаюсь во все, что останется.
Так бездумно сжимаю деснами,
Привкус проволок в них врезается.

И глазами, пустыми с детства,
Я ищу теплоту в тусклых бликах.
Где-то там догорает Освенцим.
Догорает холодным, безликим.

Вот так, меж полей одуванчиков,
Что давно отцвели, сдулись ветром,
По дорогам чужим и обманчивым,
Бреду в поисках памяти светлой.

Отведи же меня в мертвый город
Желтизной из своих кирпичей.
Дорога, в которой нет дома.
Тропа в этот мир ничей.

Но никто там меня не встретит.
И зачем ты сюда пришел?
Солнце выгорит на рассвете,
А мы ждали, что будет еще.

Вне поколений

Мы разучились верить, ненавидеть и любить.
И разучились видеть.
Мы просто разучились быть.
Остановите.

Остановите время, мы не здесь.
Растянуты вне дат и вне событий.
И мы вне жизни, вне ее завес.
Остановите.

Мы между строк и между всех людей.
Они лишь идеально вылизаны
Снаружи и внутри, точь в точь для этих дней.
А мы здесь вырезаны.

Со шрамами на стесанных руках
И ссадинами на коленях.
Мы с грустной улыбкой на губах.

Вне поколений.

Нам хватит сил

Чтоб не сидеть на месте ровно, -
Нам всем так, улыбнувшись, скажут. -
Тебе необходимо быть голодным.
И стать фундаментом многоэтажек.

Мол, поживем – увидим.
Время все покажет.
Не доживем. Простите.
Мы рождены, чтоб сдохнуть дважды.

А то еще и больше.
Внутри себя.
Внутри других.
Нам хватит сил с собою не покончить.
На что еще нам хватит сил?

Я не просил у этой жизни больше.
Отсюда просто бы навек свалил.
Но там, где я сейчас, под толщей,
Есть только ненависть к тому,
Что я здесь был.

Ватерлиния

Ты можешь взять мою руку и подойти чуть ближе.
Посмотреть что будет, только не перевернись за борт.
Ватерлинию видишь? Мой космос умрет где-то ниже.
С судна я выпал, не хочется больше вести этот торг.

«Помоги себе сам». – Наскреби на двери каюты.
Разлей виски по полу и пафосно чиркни спичкой.
Все равно это море, в морях вечно топят шхуны.
Море боли не помнит, ему наплевать, привычно.

А на палубе снова бал, бесконечно шумно.
Когда корабль тонет, оркестр продолжит играть.
И сколько бы раз ты здесь ни остался безумным,
Ты все равно не найдешь ничего, за что умирать.

Затуши

Сна снова ни в одном глазу.
Но я ведь знаю, что когда-нибудь усну
И не проснусь.
И не останусь в крохотном кармашке ни одной души.
Поэтому расслабься, выдохни и свечки затуши.

Весь мир был соткан из молекул лжи.
Я в ниточках и гранях растерялся.
И знаешь, к черту всю вашу реальность,
Хоть слово лишнее по простоте скажи,
Потом ходи, о сплетни спотыкаясь.

Поэтому завязывай спектакль.
Все было здорово, но было как-то скучно.
Пора расстегивать внутри себя наручник,
Я бросил сцену, чтоб не съела театральность,
Чтоб просто не дожрала показушность.

Уйду за тобой

Город
Духотой поцелует, на легких оставив ожоги.
Я
Переварен в толпе, мы не встретимся больше с тобой.
Ты,
В горизонт уходя, будешь чувствовать что-то по новой.
Здесь
Даже Солнце останется вечно холодной звездой.

Там
Далеко-далеко на полях остывают туманы.
Где
После туч грозowych непременно согреет рассвет.
Я
Никогда не бывал, но хотел побывать постоянно.
Но
Здесь остался замерзнуть на долгие тысячи лет.

День
Принесет новый сон, протекающий болью по венам.
Нет,
Мне сказали о том, что во снах ты не чувствуешь боль.
И,
Закрывая глаза, я уйду постепенно.
Да,
Наконец-то отсюда уйду за тобой.

Могила светлячков

Выдохни тише.

Мы все это время дышали громко.
Твое сердце застыло в холодной корке.
Мое сгнило в банке на полке морга.

И их крики уже никогда не услышат.

И за сталью, такой некрасивою,
За армированную решеткой,
Беззащитно лежит целый мир.

Такой хрупкий, как бы никто не разбил.

В тусклом свете ламп керосиновых
Мы помянем сгоревшие пробки.
Спасибо конечно, что каждый здесь
Просто по-своему жил.

По-своему просто страдал.
По-своему просто и умер.
И все мы по-своему просто немного фальшивые.
Глупые, кто бы чего ни сказал.
Ведомые тайной душевной наживою.
Влюбленные в ночь и городской вокзал.

Я однажды в себе признал,

Что мы здесь беззащитно лишние.
Причем абсолютно все.
Как, собственно, род человеческий,
Распяты на кресте.

Просто мертвые боги из сказок и мифов греческих.

Себе и друг другу мерзкие.
Ни с кем.
Никогда.
И нигде.

Неважно, с какого раза,
Плывущие в пустоте,
Поющие в темноте.

Без особой причины веской

Ослепленные жизнью.
Максимально. На оба глаза.
Просто помни о чем-то важном.

О действительно важном дне.

Пусть все так уродливо сказано,
Мои мысли в оковах слов.
В кандалах и цепях
Без следа затерялись рассказы

О могиле моих светлячков.

Говорят

Говорят,
Если ты еще пишешь -
Значит день твой был прожит не зря.

Говорят,
Если ты еще дышишь -
Значит носит еще земля.

Говорят,
Если ты еще лишний -
Значит просто еще не менял.

Говорят,
Если ты скребешь днище -
Значит ты что-то там потерял.

Говорят.
Но ты их не слушай.
Они только при встрече друзья.
Они ночью придут и придушат.
Твои мысли придушат тебя.

Графоман

Давай потеряемся.
Ладно.
Просто согласен.
Мы и так каждый день растворяемся.
Каждый день просыпаем праздник.

Давай уже.
Хватит пытаться.
Я пробовал тысячи раз.
Тысячи раз задышался.
Тысячи раз увяз.

Давай не начнем сначала.
Все равно мы не знаем конца.
Времени – нет, а не мало.
Его было здесь навалом.
Но ты просто отдашь его налом
За последний билет на плацкарт.

Возьмите улыбку на чай.
Простите, отдать больше нечего.
Давайте раздам себя?
Не скучай.
Я засну на рассвете,
Не вечером.

Прости.
Я всего лишь больной графоман.
Что с меня взять?
Давай напишу на бумаге
О том, как каждый прекрасно страдал.
О том, как мы всем наврали.

Лбом прижимаюсь к стеклу.
Автобус стал просто метафорой.
Стал просто примером.
Усну.
Кажется, снова наврал.
Мне уснуть не позволят нервы.

Рецидив

Черным по белому.
Белым по черному.
Хотелось бы взять в руки ластик.
По контурам, криво начерканным,
Свести все на нет.

Закрасить.

Стереть бы кусками.
На терке.
Руками все переписать.
Будто жизнь – это чертов пробник
В бутике на дешевой полке.
Упадет, разобьется -
Шваброй с пола слизать.

Вырезать все, будто опухоль.
После этого ждет рецидив.
Ты рисуешь новые контуры
Поверх графитовой грязи,
Как псих.

Поверх этого однообразия.
Частями, кусками себя.
Хоть что-то в себе сохранив,
Хоть что-нибудь смазанное,
Хоть что-нибудь от тебя.

Забудь.
Стереть бы все и забыть.
Себя из того, что было.
Кремировать себя,
Распылить.
Утонуть,
Чтобы просто смыло.

Но это не пробник,
Грустно.
Часть истории,
Части всеобщей глупости.
Ты еще не покойник.
Всем порой стыдно, пусто.
Рисуй поверху новые области.

Блендер

На небе гаснут звезды.
Серьезно.
Нет выхода и нет ответа.
Мне Млечный путь напоминает простынь,
В которую я заверну скелет этой планеты.

Засунь души моей останки в блендер.
Со льдом и кровью.
С чувствами и бредом.
И как-нибудь плотнее скомкай,
Чтоб влезло все, накрылось пластиком без цвета.

Залей в меня и будь, что будет.
Чтобы во мне хотя бы что-то было.
Я думал, что нас всех когда-нибудь разбудит.
Но я ошибся,
Никого не разбудило.

Мы прокляли здесь все,
Убили всех.
Себя убили, хватит оправданий.
Мы все мечтали видеть в конце свет,
Взирая воспаленными глазами.

Но почему-то всех нас здесь завалит.
Так вышло, просто так случилось.
Мы дети городских развалин.
И чтобы с нами здесь не приключилось,
Нас с грунтом всех сравнивает и раздавит.

И звезды гаснут.
Ничего не изменилось.

Сакура

Останься с моими мыслями.
Я смотрю из глубин мрачной комнаты,
В привычке переосмысливать.
Разговаривать лучше шепотом.

Помолись, чтобы нас не услышали.
Кому хочешь – ангелы умерли.
Чувствуй сердцем всем это затишье,
Пока здесь не настали сумерки.

Прижимайся спиной ближе к дереву.
К сухой недорубленной сакуре.
Наблюдай как все эти демоны
Изнутри все кромсают лапами.

Не бойся, я точно справлюсь.
Только не урони слова.
Все, что здесь от меня осталось,
Спали, как сухие дрова.

И пускай догорит синим пламенем.
Я здесь жил лишь один раз.
Уходи, прикрывая ставни.
Я не знаю, где я сейчас.

В никуда

Отмотай назад. Туда, где нет ничего важного,
Где я еще не сгорел заживо,
И где все еще не настолько изгажено.

Раздели со мной ненависть.

В одного это слишком токсично.
Меня разъест самая мерзкая жидкость.
В одного это слишком привычно.

Убери свои руки, себя убери, не лезь.

Мы все мертвые, и нас здесь довольно много.
Незримые орды сумасшедших клоунов,
Потерявших себя на дороге.

В никуда.

Грузовик довезет уже трупами.
Как знакомый сюжет под чернобыльским небом.
Мы все были глупыми. И все мы знали об этом.

Без следа.

Даже без имени.
Просто похорони меня.
И может, тогда я обрету покой.
Если уже не с тобой,

То уже навсегда.

Никто не поможет

Нам никто не поможет, мы сами забили,
Забили в себя как в распятие гвозди.
Никто не поможет, сердца расчленили
В терновых цепях своей клетки вопросов.

Мы шли, задыхались, бежали и гнили,
Сбивали ногами росу под ногами.
Перхаясь, харкаясь, мы боль в себя лили,
Умывшись кровавого неба слезами.

Ни слову, ни взгляду, ни жесту не верю.
И верить здесь не во что, верить не стоит.
Награди эту жизнь и подбрось в нее цели
Как в кострище последних нервозных коллик.

Как голодные звери нас рвут на части
Орды мыслей, никто, помни, не поможет.
Спим в обнимку с изуродованным трупом счастья,
Истерично забывая в его глотку ножик.

И мы ждем, и мы ждем, и мы ждем надежду,
Раз за разом отдирая от душонки кожу.
Только никогда не вернуться прежним,
Просто помни, никто уже не поможет.

И мы, стиснув зубы, продолжаем дальше
Заливать аммиак в себя, чтоб проснуться.
Распирает от судорог, душит кашель.
Ни себя, ни других лишь бы не коснуться.

Бросив на этот конвейер фальши
Пустой взгляд и ничуть не полнее души.
Так и так здесь ни что ни чего не значит,
Так и так здесь решает несчастный случай.

Мы все смотрим, смеемся, и нам не грустно.
Нам родней здесь, уже ничего не надо.
Даже Данте, наверное, здесь свихнулся
От комедии в местном мотеле ада.

Скотобойня

Гуляем с тобою по живодерне,
Как куски равнодушного неба.
Артхаусная скотобойня.
Руку мне дай, не советы.

Безрассудно невинны, но грязные.
Кровью хлещет в нас с разных сторон.
Нестерильностью, гноем, заразою.
По дорожке до похорон.

Вращены на моральный убой,
Рождены, чтоб не жить, но помнить.
Кем умрем этой ночью с тобой,
Чтобы слышать, как завтра стонет?

Сожженные заживо смотрим вверх.
На кровавой заре солнце просто сдохло.
Среди туш остается холодный смех.
От него в головах своих просто глохнем.

Подними мне веки, я стану богом
В своей жалкой и крохотной преисподней.
Воздух был затуманен смогом,
Чтобы сажей стекать по твоей ладони.

Бесконечный и душный продажный гомон.
Их улыбки на скучных и серых лицах.
На моих губах только дрянь и копать.
До сих пор не хочу здесь ни с чем мириться.

Широкая область

Не все в порядке.
В порядке никогда не было.
На литр черного капля белого.
Сбежать бы давно без оглядки.

Со всех ног.

Вот только некуда.
Какое бы место ни приберег,
Ты себя туда заберешь,
Хоть край света.

Все равно в потолок тыкать нож.
Все давно превращается в пепел.
Все никак до сих пор не поймешь,
Что тебе не сбежать на рассвете.

Разбуди и скажи, что все сон.
Страшный сон, и что есть еще время
Оклематься, открыть глаза.
Скажи, что не опоздал.

Что нам пора возвращаться на землю,
А не биться о голый бетон.
Но я наблюдаю распад.

Сложной мысли на простые эмоции.
Простых эмоций на их отсутствие.
Наблюдаю, как все это скоро загнетя,
Превращаясь в сплошную деструкцию.

Ничего никогда не вернется.
Я бы сам ни к чему не вернулся.
Жизнь – лишь слишком широкая область
С дефицитным набором функций.

Нечего сказать

Пожалуйста, не молчи.
А мне и сказать как-то нечего.
Засыпаю на кухне вечером.
Растворяясь, теряюсь в ночи.

Вся жизнь заливается в трещины
Потертых нагрудных доспехов.
Герметичность внутри обеспечена.
Достучаться желаешь? Успехов.

Молодость из убитых амбиций,
И больше нет ничего, кроме этого.
Ты либо предпочтешь удавиться,
Либо песня еще не спета.

А потом ты теряешься где-то.
Бродишь вдоль мокрой трассы.
Уставший, дождями задетый,
Небритый и однообразный.

Познакомь с душой

Познакомь с душой -
Возьми тупые ржавые ножницы
И режь ей крылья.
Будто еще живой.
Будто смотреть не противно,
Как она будет корчиться

Под болевым шоком,
Как под анестезией.
Превращаясь в творчество,
Онемевшее под током,
Что просто так не закончится.
Когда что-то просто – это безумно красиво.

А здесь только гвозди,
Что прошивают насквозь,
Когда по ним ходишь.
И кроме них ничего не находишь.
Искать что-то больше, то, что похоже на счастье.
Опять протыкаешь кожу.
Пора бы уже возвращаться.

Клинок запечатать в ножнах.
Себя запечатать где-то.
Все так бесконечно,
Так бесконечно бессмысленно,
Двусмысленно, без ответов.
Эмоции, чувства, мысли –
Расписано по трафарету.

Живи и думай не числами,
Тебя все равно отчислят.
Отбросят, и все будут лишними.
Будут чужими, будто далекая пристань.
Социально больными,
До конца социально прогнившими.
До конца ты лишь будешь пролистан.

Коридор

Мы нашли бы способ спасти здесь всех.
Мы нашли бы метод не терять себя.
Я однажды так слепо пошел на свет,
В этом мире, где клетка внутри тебя.

В этом мире, где клетка везде снаружи.
Где бетонные стены посмотрят в душу.
Где вокруг даже воздух умеет слушать.
Где все твои мысли тебя лишь душат.

В этом мире, где я исписал заборы.
Исписал всей краской, что носил в карманах.
Под ночные лаи дворовой своры.
Под этот тусклый свет своего пожара.

В этом темном пространстве, как в коридоре,
Я с закрытыми глазами ступал по граблям.
Перестал кричать, но пытался спорить.
Не хотел замечать, что он был разграблен.

Не хотел замечать, что он был угроблен.
Ставил все на последний кусочек жизни.
И пускай темнота меня переполнит,
И пускай новой болью мне в сердце брызнет.

Навсегда исчезаю в унылом тлене.
И не выделяют куска, как бы ни старался.
В бесконечном поединке на своей арене
Я рисую пространство самой черной краской.

Забирай

Если хоть что-нибудь тронет,
Тогда забирай.
Сотри цифровой трек-номер.
Не возвращай.

Оставь и не думай лишнего.
Лишним не будет.
Захочется если, выбросишь.
От меня не убудет.

Я буду писать еще сотни
Несовершенных строк,
Шатаюсь по подворотням,
Смотря в потолок.

К черту любую известность,
Если я буду несчастлив.
К черту рвать современность,
Я в ней почти безучастен.

И к черту здесь думать о большем,
Если в моей голове
Только образ и поршень,
Толкающий к пустоте.

Ненавижу

Иногда я ненавижу весь мир.
Иногда ненавижу здесь все.
Ненавижу себя.
Ненавижу тебя.
Ненавижу его.

Иногда ненавижу не спать.
Иногда ненавижу уснуть.
Ненавижу терять.
Ненавижу сжигать,
Чтоб потом ненавидеть вернуть.

Ненавижу здесь просто быть.
Ненавижу отсюда уйти.
Ненавижу здесь что-то забыть,
Стереть в памяти все пути.

Ненавижу всегда молчать.
Ненавижу всегда говорить.
Ненавижу кричать.
Ненавижу писать.
Ненавижу внутри душить.

Ненавижу все обнажать.
Ненавижу быть кем-то другим.
Ненавижу почти умирать.
Ненавижу вдыхать этот дым.

Лепрозорий

Мир настолько велик,
Но внутри тебя все-таки тесен.
Непонятно болит.
Непонятно в конце концов треснет.

Тащишь всегда за собой
Свою тень, которой не видно.
Будто себе ты родной,
Будто бы есть еще выбор.

Выбросить из головы
Все, что мешает жить дальше.
Не выбросишь – просто живи.
Здесь все ни черта не значит.

Не оставайся там.
Здесь негде больше остаться.
Останешься только сам,
Чтобы не возвращаться.

Все настоящее – здесь.
Но все здесь всегда иллюзорно.
Ты так глубоко залез
В собственный лепрозорий.

Грустная повесть

Давай придумаем грустную повесть.
Правдоподобную скучную сагу.
Реальности с чувствами помесь,
Как собственный сектор газа.

Все как часть одного метастаза,
Помесь боли под ребрами и безразличия.
Перехода финальная фаза
От неприличного до привычного.

Пропиши необычный диагноз:
«Больны жизнью без излечения».
Столько разного просто сказано,
Прекратить чтобы кровотечение.

Погребаемся мрачными мыслями.
Как всегда не хватает времени.
Максимум – чтобы свыкнуться,
Минимум – стать привидением.

Просто остаться не с теми.
Ничему до конца не отдаться.
Продаться чужой системе.
Или все-таки не продаться.

Разложить алгоритм по полочкам.
В голове только вечно каша.
Мысли глушат криком о помощи,
Сердце к черту шлет помощь вашу.

Ты родишься дышать этим миром.
Задыхаешься его тенями.
Лишь бы все до конца не остыло,
Лишь бы жизнь отыскать в сомнениях.

Окурок

Уши заткнуть – я устал
Что-то слышать, лучше не будет.
Раскидаюсь по разным местам -
Все равно так и так на распутье.

Мне вся твоя жизнь как катком по мозгам.
Магазин, остановка, край города.
Уже третьи сутки нормально не спал,
Созерцая лишь юность, что в спорога.

Тромб сущности каждого этих дней
Под завязку набит одинаковым.
Одинаковым сбродом продажных людей.
Одинаково дышим на ладан.

Все такое пустое, я буду пустей,
И мы будем соревноваться.
Я шатаюсь все время по темноте,
Даже нравится не возвращаться.

На самом же деле я просто устал.
Но мне некуда деться, нет разницы.
Выходит, давно уже все растерял,
Все живое, оно просто дразнится.

Мы заживо все здесь горим на костре,
Но я не отрекаюсь от памяти.
Нет ничего даже в завтрашнем дне.
Догорим как окурок на скатерти.

Счастливый финал

Покажи, каким будет счастливый финал,
Я его отродясь не видел.
Читал о нем в книгах и проверял,
Но он об это лишь ноги вытер.

Пиши до конца то, что начал,
И пускай это все в тебе захлебнется.
Пускай кардиограмма скачет,
Пока до прямой не сорвется.

Ты просто нежить, корми с рук блокнот
И напиши каракули в извилинах.
Что ни шаг – только мат и цейтнот,
И упрек недовольного зрителя.

Оставь хотя бы части трупа искусства.
Хоть чем-то нужно топить эту засуху.
Забальзамируйся – лей в себя уксус,
Проткни ножом свое сердце за пазухой.

Дыши под осколками неба,
Питаясь осколками памяти.
Давись мыслями, будь ты хоть где-то,
Просыпаясь опять на окраинах.

Оставайся

Оставайся. Оставайся не спать по ночам.
Оставайся придумать конец бесконечному лету.
Если хочешь, уйди. Тогда только я останусь молчать.
Останусь один на один с пистолетом.

Оставайся, если считаешь нужным.
Оставайся, я точно не буду против.
Оставайся, если тебе не скучно,
И если считаешь, что я ничего не портил.

Я так не боюсь за мгновение остаться трупом,
Но я так не люблю подпускать людей,
Позволять им смотреть глубже внутрь.
Потому остаюсь нигде.

Если в мрачных моих картинах
Ты видишь больше, чем видно мне -
Оставайся, если тебе не противно.
Ведь я еще остаюсь на дне.

Псам не снятся сны

Здесь псам уже давно не снятся сны.
Они уснут, потом от судорог проснутся.
Пиши сегодня, завтра почувствуй стыд
И ненавидь все то, к чему вернулся.

Ты снова через силу здесь очнулся.
С тобою будет вечно только панцирь.
И хочется в нем только задохнуться.
Сил остается только чтобы ему сдаться.

Сквозь этот сумрак с мыслями ругаться,
Потом лежать бесчувственно, ждать утро.
Хотя бы что-то здесь должно еще остаться.
Хотя бы кто-то или образ его мутный.

Царапай грудь сквозь непонятный ступор.
Ты слышишь крики. Они режут по частям.
Ты понимаешь как рассудок хрупок,
Ты понимаешь, что спастись ты устал.

Такой бессмысленный мучительный скандал.
И мокрый холод на прокуренном балконе
Напомнит, что осталось два часа,
Через которые тебя здесь снова похоронит.

Не с вами

Ваши лица покрыты целлофановой пленкой.
Отгрызи кусок – на зубах будет привкус пластика.
Когда ты склеишься, тебя завернут в клеенку.
Ты мне скалишься, чтобы я подобрел. С какой стати, а?

Назови хоть последней тварью. Ты назвал.
Ничего не заденет. Я здесь сам постепенно себя убил.
Где ты был, когда я все кости себе ломал?
«Да он бредит». Я сам себе их обратно срастил.

Отсюда далеко не уедешь. Но я бы уехал.
Забрал бы все свои мысли, не шмотки.
Но я все время тащу за собой из них пепел.
Ты зальешься по горло самой дешевой водкой.

Смотри мне в глаза, только не отрывайся.
Давай ближе, ищи в них хоть каплю света.
Ройся в памяти и найди там закат, что вскрывался,
Заливая своей кровавой молчаливой истерикой небо.

Я однажды перегорю, однажды все будет иначе.
Никто из вас не бывал со мной в сточной яме.
Я и сам здесь не чистый, и сам ни черта здесь не значу.
Но хотя бы согреет лишь то, что не с вами.

Хьюстон

Хьюстон, сажай самолет.
За что сражаюсь – здесь все не мое.
Не лезь мне в душу, она просто гниет.
И меня здесь ничего не добьет.

В рай лишь по желтому билету, нас туда не пустят.
Я направляю свой штурвал к эпицентру грусти.
Все, что полет из ножевых, с тобой на пару спустим.
Хотя мы знаем – все брехня и точно не отпустит.

Хьюстон, снимай оберег.
Я застрял в самой скучной из оперетт.
Готов верить даже в сказочный бред,
Ведь в моем мире ничего уже нет.

Ну что ты смотришь на меня глазами щенка?
У нас давно тут неисправны тормоза.
И мне не знать упадем мы в какие места,
Зато горим мы точно ярче, чем аэростат.

Хьюстон, ты только не плачь.
Я если тормозил, то не коробкой передач.
Развалил свой двигатель на сотни задач,
И по частям не соберет тут самый опытный врач.

Ты думаешь, что я еще не видел эту жизнь?
Хьюстон, ты крепче держись.
Хьюстон, давай помолись.
Хьюстон, мы падаем вниз.

Неправильно

Скажи еще раз о том, что я неправильно жил.
Я, скорее всего, неправильно даже умру.
И ты даже не знаешь, кто и как здесь себя потрошил.
Ради чего? Чтобы снова смотреть в темноту.

Чтобы снова не видеть ваш извращенный Эдем.
Чтобы видеть и знать, как людей погребает мечта.
Раствориться здесь, чтобы и просто остаться никем.
Чтобы думать о разном с пометкой: «Уже никогда».

Лампочка гаснет даже когда протекает ток.
Ты будешь винить вечно сломанный выключатель.
Холод лезвия бритвы чувствует мой висок,
Только сердце не чувствует, не закричать бы.

Что тобой сказано, станет однажды правдой.
Я буду молча нигде в одиночку смотреть на дождь.
Ты неправильно жил, ломая все изначально,
И ты даже неправильно просто однажды умрешь.

Новокаин

Ничего не осталось, родной.
Родная, все это лирика.
И все это пахнет клиникой,
Заброшенной мертвой весной.

Растекается медленно новокаин.
Капля за каплей под коркой.
Взгляд мой расплавится, как парафин,
Отпечатком прилипнет к окнам.

Добро пожаловать в мой темный кокон.
Плюнь в пустоту, она полнее не станет.
Я это место внутри давно называю домом.
Склепом с перевернутыми крестами.

Никого не впустить, ничего не ответить.
Ничего не просить, ничего не отдать.
Когда снова станет тоскливо на этом свете -
Посмотрю в никуда, отвернусь, лягу спать.

Полигон

Смотри, здесь вся моя изнанка – полигон.
И сколько разного здесь просто полегло,
И безобразного остался легион.
Все это просто ждет свой час для пули в лоб.

Остался лишь один сплошной эксперимент,
Который точно никогда уж не пойдет по плану.
Все потому что никакого плана давно нет,
А все, что есть, то попросту зальется в раны.

Все как одно переливание нестерильной крови
К рассудку от души, пока не захлебнется сердце.
Ты просто подожди и просто все засохнет.
Ровней дыши и зажигалкой подожги все строки песен.

Под этот дым ты в свои строки себя вместишь.
И много ли нам всем еще здесь нужно?
Все эти глупости вокруг зовутся жизнью, а ты грезишь,
Что все это будто модель поломанной игрушки.

Огрызок солнца

Других так восхитит затишье перед штормом.
Я стал единым с тем затишьем после бури.
Ветер сломал флагшток, и парус уже порван,
И я латаю это все, чтобы не стать безумным.

Я столько лет уже не был в этих портах,
В них за меня мою судьбу давно пропили.
Здесь только, чтоб смотреть, как умирает на руках
Закат кровавый. Мы его топили.

Задраю темный трюм и посмотрю на крыс.
Они все ждут, когда я здесь повешусь.
Чтобы все кости перемыть и их догрызть.
Никто уже не отпоет, ведь страшный грешник.

Вложи огрызок солнца в руку мне во сне,
И я засуну его под грудную клетку.
Потом проснусь, холодная постель,
И за кормою снова воют ветры.

Декабрь

Ночи станут длиннее,
Значит будет больнее,
Значит я снова жду декабрь,
Чтобы ждать, когда потеплеет.

Еще один год проходит,
Еще одно лето исчезнет,
И я где-то застрял в переходе.
Каждый шаг меня только слепит.

Я искал в голове надежду.
Распорол ей горло о перочинный нож.
Вот и все, вот и вся моя нежность.
Только в этом я был хорош.

Я теряю сознание,
Обессиленным падаю на кровать.
И куски моего зазеркалья,
Падая вниз, начнут распинать.

Напрасно

Не понимаю, почему так болят запястья?
И ты не знаешь, что я будто связан.
Просто режу, режу, режу связи.
Все равно остаюсь без конца запятнан.

Моя смерть пролетит в паре сантиметров.
Твоя смерть упакована в синий Винстон.
Ты считаешь числа, а я километры,
Что прошел кругами, замыкаясь в мыслях.

Ты погряз во лжи, но я сдохну честным.
И мне так все равно, что я жил нелепо.
Я здесь просто так, мне не интересно.
И мне просто нужно хоть что-то делать.

Не смотрю вокруг и иду на красный.
Я опять проиграл, все, что можно было.
Эти люди упрекнут – скажут: «Жил напрасно».
А я здесь не жил, возле них остыну.

Запирайся

Запирай все двери в своей квартире,
Запрись в плотной стене дождя из душа,
Запирайся в своем виртуальном мире,
Ведь от внешнего будет намного хуже.

Замыкайся в себе, не давай касаться
Своих чувств, своих рук, своих глаз и мыслей.
Приготовься здесь навсегда остаться,
Замыкайся без шансов на новый смысл.

Сохрани себя, стань единой цепью.
Наплевать, что ее ты мотал на шею.
Наплевать, что ты ищешь все время цели.
Наплевать, если ты стал своей мишенью.

Завернись во мрак – ничего роднее.
Ты хотел бежать, но так только хуже.
Твоя участь – тьма, восседай над нею,
Лишь она с тобой как твое оружие.

Позабудь, что было – ничего не будет.
Ничего не станет, если ты исчезнешь.
Это грязный плен несчастливых судеб,
Ты себя по обломкам в нем как-то склеишь.

Брось

Брось среди этих выжженных картин
В моем сознании выжженную память.
Я смотрю в черный потолок, я здесь один.
Меня здесь нет, и я давно не с вами.

Тебе не нравится мой прокаженный взгляд.
Ты смотришь, будто и не понимаешь.
Ты смотришь, тебе хочется сказать,
Чтоб я глаза закрыл, ведь что в них ты не знаешь.

И я закрою их когда-нибудь, поверь.
В моих глазницах будут рыться черви.
Все дожирать, и эхо моих дней
Здесь растворится в царстве этой черни.

Прости меня, я так и не узнал, в чем виноват,
И что я натворил в этой дурацкой жизни,
Что всем вам тошнотворен этот взгляд,
Что всем вам тошнотворно это слышать.

Некроз

Некроз всей моей вселенной.
Сердце болит от веществ, а не чувств.
Я пока еще жив, наверно.
И наверно теперь промолчу.

Сотни не сказанных мыслей
Вырезают меня как опухоль.
Никому не по нраву убийцы.
Я убийцей себя стал без повода.

Дай мне побольше времени,
И я вообще здесь все перестану помнить.
Ремни безопасности спереди
Тем, кто был позади, не помогут.

Я вдохну все системные яды,
Залью самой дешевой грустью.
Нам здесь всем так немного надо,
И мы все это молча отпустим.

ФАКТЫ

Приведи себя в порядок хоть как-нибудь.
Записками, распыленными в пустоту.
Ты решил в них найти самый странный путь
И найти в них самую простоту.

И отдаться здесь больше нечему.
Захлебнись моментом своей свободы,
И пускай кровоточат трещины -

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.